

И. Субботин

Дело патриарха Никона

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Субботин**
Дело патриарха Никона / И. Субботин – М.: Книга по Требованию, 2015. –
251 с.

ISBN 978-5-458-02114-2

Историческое исследование по поводу XI тома "Истории России" профессора Соловьева. С приложением актов и бумаг, относящихся к этому делу.

ISBN 978-5-458-02114-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

правъ здѣсь и кто виноватъ? или въ какой степени права и виновата та и другая сторона? Понятно отсюда, какой интересъ должно было возбудить изслѣдованіе объ этомъ дѣлѣ историка съ такою ученостью, какъ г. Соловьевъ, имѣвшаго притомъ въ своемъ распоряженіи подлинныя акты Никонова дѣла.

При своемъ здоровомъ взглядѣ на обязанности историка, не усвоивъ себѣ права произносить приговоръ надъ историческими дѣятелями, авторъ не произнесъ своего суда и надъ Никономъ. Но читателю не трудно понять, что его симпатіи не на сторонѣ патріарха, — и это очень понятно: личность Никона дѣйствительно не симпатическая. Сторонники Никона, составившіе о немъ понятіе по рассказамъ Шушерина, съ сожалѣніемъ должны сказать, что историкъ, слишкомъ недовѣрчиво смотрѣвшій на эти рассказы, безжалостно развѣнчиваетъ величіе великаго патріарха. Но даже и не сторонники Никона должны признаться, что авторъ не пожалѣлъ темныхъ красокъ для изображенія его характера, — что по прочтеніи его рассказа, образъ Никона возстаетъ предъ глазами читателя въ слишкомъ непривлекательномъ видѣ: вмѣсто человѣка энергическаго, всей душой преданнаго заботамъ о пользахъ церкви и государства, человѣка съ прямымъ и яснымъ взглядомъ на вещи, умѣвшаго стать выше суевѣрій и предрасудковъ своего

вѣка, въ защиту которыхъ такъ жестоко возстали на него раскольники, предъ нимъ является чловѣкъ упрямый, властолюбивый, раздражительный до крайности и, что всего неожиданнѣе, мелочный и склонный къ суетвѣрью, являющійся порой какимъ-то визионеромъ, напоминающимъ своего отчаяннаго противника, протопопа Аввакума! Мы вовсе не думаемъ, чтобы почтенный профессоръ хотѣлъ преднамѣренно изобразить такимъ патріарха Никона, еще менѣе,—что онъ сдѣлалъ это въ ущербъ исторической правдѣ. По нашему мнѣнію дѣло здѣсь главнымъ образомъ въ томъ, что рассказъ о Никонѣ вошелъ (и долженъ былъ войти) въ его исторію эпизодически, что по самому ходу своего историческаго труда, онъ долженъ былъ остановиться на такомъ періодѣ жизни Никона, въ которомъ по преимуществу выступили темныя стороны его характера, притомъ не мало измѣнившагося въ теченіе осмилѣтнихъ неудовольствій съ дворомъ, тогда какъ дѣла патріарха, внушающія уваженіе къ его уму и даже характеру, относясь къ другому времени и принадлежа болѣе къ области церковной исторіи, не могли найти мѣста въ настоящемъ изслѣдованіи историка, и такимъ образомъ темныя стороны характера Никона неуравновѣшены здѣсь, или, по крайней мѣрѣ, неослаблены свѣтлыми чертами его характера, въ которыхъ было бы несправедливо отказать ему, хотя первыя, дѣйствительно, часто брали

у него перевѣсъ надъ послѣдними. Представить характеръ и дѣятельность Никона, со всѣми ихъ свѣтлыми и темными сторонами, это задача его полной біографіи, въ которой есть теперь настоятельная нужда, но которой мы вправѣ ожидать отъ ученаго и безпристрастнаго писателя, а не отъ какого-нибудь поверхностнаго разскащика. Не менѣе важно здѣсь и другое обстоятельство,—именно, что авторъ совершенно отстранилъ книгу Шушерина, желающаго во всемъ оправдать Никона *, а слѣдовалъ въ своемъ изложеніи источникамъ, имѣющимъ, такъ сказать, официальный характеръ. Онъ имѣлъ основательныя причины не довѣрять Шушерину и, основываясь преимущественно на подлинныхъ актахъ Никонова дѣла, очевидно, руководился достойнымъ полнаго уваженія намѣреніемъ—сохранить во всей строгости историческую истину. Но кто внимательно разбиралъ всѣ эти акты, тотъ не можетъ не согласиться, что они представляютъ столько разнорѣчій и между собою и съ другими, не менѣе достоверными извѣстіями, столько вообще не яснаго, не досказаннаго, внушеннаго духомъ

---

* Книгъ Шушерина слѣдуетъ противопоставить сочиненіе Пансіа Лигарида о Никонѣ: онѣ представляютъ двѣ противоположныя крайности. Однакоже почтенный профессоръ съ большимъ довѣріемъ относился къ Пансію, нежели къ Шушерину.

партіи и личной страсти, что нужно тонкое историческое чутье и большой навыкъ, чтобъ изъ всѣхъ этихъ сказокъ, грамотъ и т. п., непогрѣзительно извлечь строгую истину. У нашего автора, безъ сомнѣнія, нѣтъ недостатка ни въ томъ ни въ другомъ и мы по справедливости должны сказать, что разсказъ его основанъ на несомнѣнныхъ показаніяхъ подлинныхъ актовъ, что какимъ представляется Никонъ въ этихъ послѣднихъ, такимъ является онъ и въ разсказѣ нашего историка. Считаемъ нужнымъ сдѣлать только одно замѣчаніе. Остановивъ вниманіе преимущественно на личности Никона, представивъ во всемъ непривлекательномъ свѣтѣ его дѣятельность во время распри съ царемъ и при соборномъ изслѣдованіи его дѣла, — дѣятельность, большею частію, подъ вліяніемъ страстей, выходявшихъ иногда за предѣлы всякаго благоразумія, историкъ недостаточно освѣтилъ противную сторону; а между тѣмъ и на этой сторонѣ страсти дѣйствовали со всею силою; всѣ лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ Никона, всѣ эти, такъ называемыя, власти, этотъ сянклить и комнатные бояре, эти пришельцы далекаго востока — какую незавидную роль играли они въ дѣлѣ русскаго патріарха съ русскимъ царемъ! Едва можно найти между ними двухъ-трехъ человекъ, которые обнаружили въ своихъ сужденіяхъ и поступкахъ сколько-нибудь безпристрастія, независимости и благородной смѣлости. Чтобъ представить все это въ надлежащей полнотѣ, для этого,

конечно, потребовалось бы значительно расширить рамы исторической картины, притомъ, можетъ быть, въ ущербъ стройности цѣлаго труда,—да и самая картина вышла бы еще мрачнѣе; за то она выиграла бы въ вѣрности тому, что дѣйствительно было, и Никонъ былъ бы правильнѣе обставленъ, не выступалъ бы такъ рѣзко, мы лучше увидѣли бы въ немъ, при всей исключительности его характера, человѣка своего времени. Кромѣ того, надобно замѣтить, не всегда такъ называемые официальные акты можно предпочитать извѣстіямъ, не имѣющимъ никакого официального характера. Иногда одна замѣтка современника, одна фраза, мимоходомъ сказанная въ письмѣ или разговорѣ, проливаетъ на дѣло гораздо болѣе свѣта, нежели подробный и прямой отвѣтъ, вынужденный правожомъ и пыткой и записанный въ какой-нибудь сказкѣ. Въ бумагахъ, относящихся къ дѣлу Никона, можно найти не мало подобнаго рода замѣтокъ, разъясняющихъ нѣкоторыя стороны дѣла. Нѣкоторыя изъ нихъ опущены авторомъ, между тѣмъ какъ имѣли право на большее вниманіе съ его стороны и были бы вовсе не лишними въ его изслѣдованіи.

Представляя читателямъ изложеніе Никонова дѣла, мы имѣли цѣлю главнымъ образомъ указать тѣ именно стороны его и тѣ подробности, на которыя г. Соловьевъ не обратилъ должнаго вниманія, но которыя,

по нашему мнѣнію, не лишены занимательности и важны для правильнаго взгляда на это дѣло, сколько любопытное, столько же и важное по своимъ послѣдствіямъ *.

---

* Болѣе важныя изъ тѣхъ актовъ и бумагъ, которыми мы руководствовались въ изложеніи Никонова дѣла, но которыя г. Соловьевымъ оставлены безъ вниманія, а можетъ быть и не были ему извѣстны, помѣщаемъ въ приложеніяхъ.

ДѢЛО ПАТРИАРХА НИКОНА.

I.

«Собинная» дружба царя Алексѣя Михайловича съ патриархомъ Никономъ прекратилась вскорѣ послѣ его возвращенія въ Москву изъ польскаго похода. Когда онъ прїѣзжалъ оттуда въ первый разъ и увидѣлся съ Никономъ въ Вязьмѣ, гдѣ послѣдній представилъ ему супругу его и семейство, которыхъ такъ заботливо охранялъ во время мороваго повѣтрія, тогда эта дружба существовала въ полной силѣ и новая услуга Никона царскому семейству, по видимому, укрѣпила ее еще больше. Быть можетъ именно тогда царь предоставилъ ему названіе «великаго государя», которое прежде усвоено было только патриарху Филарету и то какъ царскому отцу и соправителю. Какъ случилось, что Никонъ принялъ это «злополучное для него» имя, и когда это случилось, — по видимому онъ и самъ не зналъ опредѣленно. Онъ утверждалъ только одно, что это случилось не по его волѣ и даже не по желанію. «Надѣюсь на Господа», писалъ онъ къ самому государю, «что нигдѣ не отыщется моего хотѣнія, или повелѣнія на сіе... и не вѣмъ откуда начаться, а мню, тобою великимъ государемъ такіе начатки явились». Какъ бы то ни было, только Никонъ носилъ уже и употреблялъ въ указахъ титулъ великаго государя, когда царь окончательно прїѣхалъ въ Москву изъ

похода. Вскорѣ послѣ этого, какъ мы сказали, дружбѣ двухъ «великихъ государей» суждено было сильно колебаться. Нашъ авторъ хорошо объясняетъ внутрення основанія этого, по видимому, не ожидавшаго и во всякомъ случаѣ слишкомъ рѣзкаго измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ друзей. «Походъ, дѣятельность воинская, и «полная самостоятельность въ челѣ полковъ развили царя, закончили его возмужалость; благодаря новой сферѣ, новой дѣятельности, въ короткое время было пережито много, явились новыя привычки, новыя взгляды. «Великій государь возвращается въ Москву и застаётъ тамъ другаго великаго государя, который въ это время, «будучи неограниченнымъ правителемъ, также развился «вполнѣ относительно своего характера, взглядовъ и пріемовъ... Никонъ не былъ изъ числа тѣхъ людей, которые «умѣютъ останавливаться, не доходить до крайности, умеренно пользоваться своею властію. Природа, одаривъ «его способностію пробиваться впередъ, пріобрѣтать «вліяніе и власть, не дала ему нравственной твердости «умѣрять порывы страстей; образованіе, котораго ему «тогда негдѣ было получить, не могло въ этомъ отношеніи помочь природѣ; наконецъ необыкновенное счастье «разнуздало его совершенно и непріятныя стороны его «характера выступили рѣзко наружу. Званіе патріарха, «которое для природы болѣе мягкой служило бы сильною «нравственною сдержкою, заставляя постоянно быть «разцомъ стаду, при жесткой природѣ Никона уничтожило всякую сдержку, ибо все вниманіе его было обращено на права высшаго пастыря, высшаго истолкователя «божественнаго закона, и въ этомъ значеніи онъ считалъ «для себя все дозволеннымъ; при недостаткѣ христіанскаго начала, духа кротости и смиренія, обстановка

«святительской власти, глубокое уваженіе со стороны «царя и всѣхъ подражавшихъ царю (я такихъ, разумѣется, было очень много) легко отуманили Никона, заставили его дѣйствительно считать себя вязателемъ и рѣшителемъ во всѣхъ дѣлахъ, обладающимъ высшими духовными дарами»... «Возведеніе на патріаршество съ условіемъ повиновенія отъ возводившихъ, размѣры политическаго вліянія, уступленнаго царемъ патріарху, и наконецъ правительство во время отсутствія царя, развели (въ Никонѣ) властительство до высшей степени и необходимо должны были вести къ столкновеніямъ съ вельможами, къ столкновенію съ самимъ царемъ, который нашелъ перемѣну въ своемъ «собинномъ» пріятелѣ и тѣмъ легче нашелъ ее, что въ немъ самомъ произошла перемѣна, что онъ на многое сталъ теперь смотрѣть иначе». Съ искусствомъ и вѣрностію представлено здѣсь развитіе властолюбивыхъ наклонностей Никона во время отсутствія государя изъ Москвы; нѣтъ сомнѣнія, что въ это время и характеръ царя сдѣлался независимѣе, по крайней мѣрѣ относительно Никона: безъ него уже привыкли обходиться; теперь, при новой встрѣчѣ, онъ дѣйствительно долженъ былъ яснѣе обнаружиться своими темными сторонами, на которыя прежде не обращали вниманія, или смотрѣли съ снисходительностію друга, — да прежде онъ и не выступали такъ рѣзко. Тѣмъ не менѣе, едва ли и въ это время Алексѣй Михайловичъ пріобрѣлъ на столько твердости характера, чтобы дѣйствовать съ полною самостоятельностью, — его натура была слишкомъ мягка для этого. Почувствовавъ на столько рѣшимости, чтобы выдти изъ-подъ вліянія Никона, онъ въ тоже время весьма легко подчинился другимъ вліяніямъ и, должно сказать, этимъ послѣднимъ собствен-

но и былъ обязанъ тѣмъ, что шелъ дальше и дальше въ разладѣ съ своимъ прежнимъ другомъ и привелъ его къ извѣстному исходу. Въ самомъ дѣлѣ, во все продолженіе Никонова дѣла мы видимъ царя подъ вліяніемъ партіи враждебной Никону, — вліяніемъ, отъ котораго ему какъ будто хотѣлось порой освободиться, но въ тоже время недоставало рѣшимости, къ которому наконецъ онъ такъ привыкъ, что не зналъ уже, какъ и обойтись безъ него, особенно когда дѣло съ Никономъ зашло слишкомъ далеко. Онъ самъ сравнивалъ свое положеніе съ положеніемъ Никона, во время ихъ взаимной распри, и находилъ, что послѣднему гораздо удобнѣе было бы дѣйствовать въ пользу примиренія, если бы только онъ хотѣлъ смириться, — что онъ свободенъ дѣлать, что хочетъ, тогда какъ царя окружають власти и бояре: «они всѣ приводятъ меня на ярость», говорилъ царь, «а ему одному лучше меня, что хочетъ, то и дѣлаетъ въ помыслѣ своемъ, никто его не заставляетъ насильно».

И такъ, если царь и самъ почувствовалъ, что Никонъ сдѣлался тяжелъ для него, что его властолюбіе стало переходить границы, то еще больше ему показали это и дали почувствовать враги Никона, умѣвшіе съ замѣчательной ловкостью занять его мѣсто при царѣ. А враговъ Никонъ успѣлъ, при своемъ характерѣ, нажить слишкомъ много во всѣхъ сословіяхъ. Большая часть бояръ не терпѣла его за его близость къ царю, за его распоряженія въ царскомъ совѣтѣ, за строгія замѣчанія, которыя онъ дѣлалъ имъ, по обычаю, не стѣсняясь въ выраженіяхъ. Извѣстно, что нѣкоторые бояре говорили объ немъ, когда онъ былъ еще митрополитомъ, что лучше погибнуть въ новой землѣ за Сибирью, чѣмъ попасть подъ начало къ новгородскому митрополиту. Сдѣлавшись